

Мордюкова Н.

12.1.91

Ленинская смена. - Астана - 1991. - 12 янв.

— Я ЗВОНЮ в Алма-Ату, кричу в трубку: «Изгой»? А мне в ответ: «Боже упаси!» Есть что-то пугающее в этом слове...

Нонна Мордюкова вскоре предстанет перед зрителем в фильме «Изгой». Его снимает на киностудии «Казахфильм» режиссер Талгат Теменов. Работа близится к завершению. Вскоре группа уезжает в Джамбул, где съемки шли ранее, а в марте Нонна Викторовна вновь придет в Казахстан, уже на озвучивание фильма.

— Почему для сюжета вы избрали приключения мальчишки в злощастном декабре 1986! — спрашиваю у режиссера.

— Декабрьские события здесь существенной роли не играют. С таким же успехом можно было бы рассказывать о парне, которого преследуют по какой-либо другой причине. Важно показать состояние человека, отринутого обществом, гонимого им.

— А в роли бабы Зины вы хотели видеть именно Мордюкову!

— Режиссер вправе выбирать себе актеров. Баба Зина в фильме — неожиданный друг Саржана. Они как бы находят друг друга — изгой 1937 и 1986 годов.

Исполнители главных ролей — Нонна Мордюкова и Канат Ахатов — успели познакомиться не только на съемочной площадке. Нонна Викторовна, казалось, охотнее говорила о своем юном коллеге, нежели о себе самой.

— У Канатика зубы

замечательные. Я ему говорю: «Когда смеешься, не опускай голову — пусть будут видны зубы». Он: «Да, да». А в кадре снова нагибается. Хорошо бы заснять его

— Может быть актером человек, которого никто никогда этому не учил!

— Сплошь и рядом. Но только четыре года в институте — это не

«Я никого не подпускаю к заветному», —

сказала Нонна Мордюкова, и «Изгой» ушел из разговора

скрытой камерой, когда он что-нибудь рассказывает. Все эти гримасы, ужимки невозможно передать обычной камерой. Всегда чувствуешь себя скованно. Почти невозможно играть искренне.

— Можно ли создать характер, абсолютно чуждый актеру!

— Чужие могут быть краски, костюм, обстановка, но исходный пункт — ты сама, твоя индивидуальность. Сердцевина — это твое «я».

простая формальность. Необученный человек может играть замечательно, но у него нет перспективы. Мастерство — это умение восстанавливаться после того, как изрядная часть души отдана работе. Мастерство — это умение возродиться. Вот поэтому я не верю в самодеятельных актеров. Их полет краток.

— Вы любите музыку!

— Как и большинство людей. Но не терплю,

чтобы музыка была фоном. Я слушаю ее целенаправленно, и только избранные, любимые мной произведения.

— Вы часто ходите в кино!

— Нет... У нас есть Дом кино, где мы смотрим все новинки. На массовые показы я хожу только тогда, когда пропустила какой-нибудь нашумевший фильм и, находясь в чужом городе, вижу афишу — надо, думаю, заполнить пробел. А видики я вообще не смотрю. Слишком заметно, что сделаны они кое-как. Люди ахают: «Ах, какой дворец, какой парк!» А я знаю, что все это нарисовано. И «шедевры», которыми вы восхищаетесь, в большинстве своем сделаны за три дня.

— Чего вы боитесь!

— Ну как чего боюсь? Странно, грома боюсь, молнии боюсь. Это вопрос типа: ваше любимое блюдо? Говорю: раки. Но кому это интересно?

— У вас дома есть животные?

— Мне бы очень хотелось завести собаку. Но нельзя ее всюду возить с собой. А каждый раз оставлять на чужих людей — это вроде бы уже и не твои собака.

Разговор наш большей частью складывался из отрывков, сказанных по случаю, в перерыве между съемками, в гримерной, на площадке. Почему-то загово-

рили о Востоке, о многоженстве.

— А вот я, — включилась Мордюкова, — я всегда была кроваво ревнива. К каждому взгляду. «Нет, ты на нее смотрел!». Мой брак был счастливым во всех отношениях, и влюблена я была безумно. Но так и не смогла простить одно небольшое и, как я сейчас понимаю, не очень серьезное увлечение.

Кажется, Нонна Викторовна не принадлежит к типу говорливых женщин, одержимых страстью к философии. Идет молва о ее резкости и неприступности, но те, кто с ней работает, в один голос расхваливают ее доброту и душевную щедрость. Об искусстве она говорит крайне неохотно:

— Вы могли бы в точности описать, как ложитесь в постель с любимым человеком? Здесь то же самое. Это глубоко интимно и почти неуловимо. А главное, зачем это нужно? Самое важное — на экране. Зритель поймет все сам. К тому же я из чистого суеверия не желаю говорить о фильме, работа над которым еще не завершена.

Ну что ж, боязнь всегда понятна. А мне, как полагаются в подобных случаях, остается пожелать: «Следите за рекламой!»

Е. КОНДРАШОВА.
НА СНИМКЕ: Нонна Мордюкова и Канат Ахатов. Рабочий момент съемок фильма «Изгой».